

УДК 811.161.1+ 087.5

Т. Н. КРИВКО***«АРХАИСТ» И «НОВАТОРЫ»
В СВОЁМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ**

В статье рассматриваются особенности использования книжной и разговорной лексики в произведениях для детей рубежа XVIII–XIX вв. на примере «Детской библиотеки» («Собрания детских повестей») А. С. Шишкова и журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума». На основе сопоставления текстов из общего для данных источников корпуса переводов с немецкого делается вывод о языковых установках авторов, представших позднее как «архаисты» (А. С. Шишков) или «новаторы» (Н. М. Карамзин).

Ключевые слова: русский литературный язык конца XVIII в., язык детской литературы конца XVIII — начала XIX вв., славянизмы, разговорная лексика и просторечия, А. С. Шишков, Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин.

Среди различных памятников российской словесности, появившихся в России в конце XVIII в. и опосредованных идеями Просвещения, «Детская библиотека» А. С. Шишкова и журнал Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» занимают особое место. Они прочно и надолго вошли в круг детского чтения и неоднократно переиздавались — вплоть до середины XIX века, заслужив высокую оценку как юных читателей того времени, так и критиков, став классикой в истории русской детской литературы.

Как установили исследователи [5; 9], среди авторов «Детского чтения», материалы которого представлены анонимно, были А. А. Петров, А. А. Прокопович-Антонский, В. С. Подшивалов, Н. Н. Сандунов. В 1787 г. соредактором журнала становится Н. М. Карамзин — именно в этом издании появляются первые оригинальные произведения писателя.

Знаменательно, что опыты литературных деятелей начала XIX в., чьи литературно-языковые споры были позднее определены и как полемики «архаистов» и «новаторов», в области детской литературы относятся практически к самому началу их творческого пути: Шишковым к тому времени были написаны драмы «Благодеянием приобретают сердца» и «Невольничество» (1780), Карамзин перевёл идиллию Геснера «Деревянная нога» (1783), другие

* Татьяна Николаевна Кривко — преподаватель кафедры словесности Лицея Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; соискатель кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация); minimalemail@gmail.com

молодые сотрудники «Детского чтения» также только начинали свою литературную деятельность. Но если язык произведений Карамзина в значительной мере исследован, то вопрос о его предшественниках среди сотрудников «Детского чтения» изучен довольно мало, тогда как, по замечанию В. Д. Левина, «несмотря на новаторские устремления, в 80-е годы Карамзин не только не достиг ещё тех результатов, которые в полную силу обнаружились в 90-е годы, но, возможно, уступал в этом отношении некоторым другим литераторам из кружка Н. И. Новикова» [4, 171]. В данной статье мы обратимся к текстам переводов, выполненных авторами «Детского чтения» в 1785–1786 гг., т. е. до начала работы Карамзина в новиковском издании.

В «Детской библиотеке» (во второй авторской редакции (1806) — «Собрание детских повестей») Шишкова и в журнале Новикова «Детское чтение для сердца и разума» имеется ряд текстов, являющихся переводами с немецкого из «Детской библиотеки» И. Г. Кампе («Kleine Kinderbibliothek», 1779–1793) (об источниках перевода см.: [6; 9; 12]). Сопоставление текстов переводов позволяет выявить различия в использовании авторами славянизмов и просторечий, вопрос о месте которых в литературном языке был предметом лингвистических споров рубежа XVIII–XIX вв. Выбор переводчиком того или иного стилистически маркированного элемента отражает его представления об образцовом литературном выражении тем более наглядно, что для языка источников перевода характерна нейтральная лексика. Покажем это на примере перевода рассказа Кампе «Vier Jahreszeiten» («Четыре времени года») [11, 21–24].

Предложение *Rund um sie her sahen sie grüne Gärten und Wiesen mit tausendfältigen Blumen geziert, und mutwillige junge Fuessen ihre Springe machten* авторы «Детского чтения» переводят как «Они видѣли вокругъ зеленые луга, **украшенные** тысячами цвѣтовъ, на которыхъ прыгали маленькіе ягнята и паслись разныя стада» [1, 1, 58], Шишков в своём переводе использует славянизмы: «Вокругъ ихъ видна была зеленая пажить и долина, множествомъ цвѣтовъ **испещренная**, и луга, на которыхъ **индѣ** играли ягнята, **индѣ** бодрые жеребятки прыгали» [10, 1, 94]. (Здесь и далее произведения из «Детской библиотеки» Шишкова цитируются в соответствии с последней авторской редакцией (1818); фрагменты, приведённые в данной статье, не содержат различий с предыдущими редакциями.) Наречие *индѣ* (ц.-сл. *иньдѣ*) в языковом сознании Шишкова не является ни устаревшим, ни стилистически окрашенным: оно встречается как в поэзии для детей, так и в теоретических работах, написанных позднее. Например, в «Собрании детских повестей»: «Или съ горъ крутыхъ летять, / Иль снѣжками индѣ бьются, / Иль другъ друга повалять, / И хохочуть, / И смеются» («Андрюшина похвала зиме») [Там же, 306]. А вот примеры из «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803): «Индѣ перомъ, искуснѣйшимъ чѣмъ Апеллесова кисть, представляеть намъ гонящуюся за звѣрьми Россійскую Діану <...> Индѣ простыми, но выше всякаго искусства, стихами приводить душу и сердце въ умиленіе» [10, 2, 18–19] — о языке поэзии Ломоносова; «Индѣ, чтобъ разумѣть Руское слово, должно мнѣ приводить себѣ на память Французской языкъ?» [Там же, 256] — о кальках с французского. Авторы «Детского чтения» слово *индѣ* не используют.

Прилагательное *sanft* в предложении *Es war nicht mehr so heiss, als im Sommer; aber die Luft war sanft und der Himmel heiter* Шишков переводит славянизмом **благорастворенной** [10, 1, 94], который также не встречается в текстах журнала «Детское чтение». В небольшом толковом словаре («Опыт словаря, или Слова и речи, выписанные из Священного Писания для показания знаменования оных»), который входит в состав «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», Шишков даёт следующее определение глаголу *растворять*: «Теплота смѣшенная со стужею и влажность съ сухостию растворяютъ воздухъ, сиречь, дѣлаютъ его больше или меньше пріятнымъ, больше или меньше здоровымъ, плодотворнымъ и проч.» [10, 2, 230], — и замечает, что во французском и немецком языках нет глаголов, равнозначных данному [Там же, 231]. Исходя из этого, и прилагательное *благорастворенной* в рассказе «Четыре времени года», с точки зрения переводчика, точнее выражает значение немецкого *sanft* (в переводе авторов «Детского чтения» — **теплъ** [1, 1, 59]).

Реплика отца в завершении рассказа: *Ja, dass sie alle reich an Freuden, reich an mannigfaltigen Gaben sind* — в переводе авторов «Детского чтения» звучит так: «Всякое время года имѣть свои радости, и всякое приносить различные дары» [Там же]; Шишков включает в слова персонажа славянизм: «Все они [времена года] **преисполнены** радостію, **преисполнены** разными для нас дарами» [10, 1, 86].

В рассказе «Четыре времени года» в переводе Шишкова редкие славянизмы не несут стилистической нагрузки. Но в таких рассказах, как «Нечаянное свидание», «Повесть о двух верных друзьях», «Пример великодушного благодетельства», благодаря славянизмам общий тон произведения становится более возвышенным и экспрессивно насыщенным, а язык — архаичнее по сравнению с соответствующими переводами авторов «Детского чтения». Особенно богат книжными оборотами текст рассказа Шишкова «Нечаянное свидание». Сравним с переводом того же произведения в «Детском чтении» (первый вариант в переводе Шишкова [10, 1, 368–373], второй — в переводе авторов «Детского чтения» [1, 1, 134–135]: *посмотрѣль... горестными очами — посмотрѣль съ горестію; сей холмъ... сокрываетъ — этотъ пригорокъ... покрываетъ; рѣчь его въ устахъ пресѣклась — онъ долженъ былъ остановиться; купно съ груднымъ еще младенцомъ — съ женою и сыномъ, которой питался еще грудью своей матери; горестную сію и купно для меня сладчайшую минуту — одной минуты такова горестнаго утѣшенія; трепещущія руки мои — дрожащія мои руки; подлинно любезнаго сына своего паки обрѣтшагося въ объятіяхъ держитъ — дѣйствительно обнимаетъ любезнаго своего потеряннаго сына; доколѣ сильное движеніе чувств изліяніемъ радостныхъ слезъ не укротилось — пока наконецъ ихъ чувствованія излились рѣками радостныхъ слезъ.*

Функция славянизмов в рассказах Шишкова сопоставима с той ролью, которую в языке этих произведений играют прилагательные в форме простой превосходной степени. При сравнении текстов переводов можно заметить, что в тех позициях, где Шишков использует в качестве эпитетов прилагательные с суффиксами *-айш/-ѣйш-*, стремясь придать повествованию особую эмоциональную окраску, авторы «Детского чтения» употребляют прилагательные

в положительной степени, что создаёт более сдержанный, нейтральный тон. Так, у Шишкова: *дабы научитья всему, что может их сдѣлать лучшими и благоразумнѣйшими* («Повесть о двух верных друзьях») [10, 1, 289]; *одной изъ добродѣтельнѣйшихъ, изъ вѣрнѣйшихъ женъ; дражайшій залогъ любви нашей; любезнѣйшій братъ; дражайшей его супруги* («Нечаянное свидание») [Там же, 368, 369, 373]; у авторов «Детского чтения»: *дабы научитья тому, что могло бы принести имъ пользу* («Повесть о двух верных друзьях») [1, 2, 108]; *вѣрной и лучшей женщины; дорогой залогъ нашей любви; любезной братъ; любезной его супруги* («Нечаянное свидание») [1, 1, 135, 136, 140]. При этом нужно отметить, что прилагательные в форме простой превосходной степени на страницах журнала встречаются довольно часто.

Шишков прибегает к высокой книжной лексике не только в эмоционально приподнятых контекстах, но и в лишённых драматизма и особой экспрессии. Например, в рассказе «Воздержанье» в речи персонажа (отец рассказывает сыну поучительную историю) встречается словосочетание *алчность къ лакомству* [10, 1, 185]; в соответствующем фрагменте перевода в тексте «Детского чтения» («Воздержанность») — более нейтральное выражение: *пристрастїе къ лакомству* [1, 1, 204]. В рассказе «Пример великодушного благодетельства» Шишков употребляет глагол *низливаться*, который в «Словаре Академии Российской» (далее САР₁) отсутствует, «Словарь русского языка XVIII века» отмечает его единичное употребление — у Державина [8, 15, 143]. Ср.: у Шишкова: «...Щедроты его **низливались** на многихъ» [10, 1, 213]; у авторов «Детского чтения»: «Онъ радовался, когда имѣлъ случай подать помощь страждующимъ, и никогда не упускалъ такихъ случаевъ» («Анекдот») [1, 4, 150].

В том же рассказе в переводе Шишкова использовано слово *искупленіе* от глагола *изкупити* в прямом номинативном значении ‘закупить всё необходимое’ [7, 3, 1076]: «...Потомъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, далъ ему нѣсколько денегъ, приказалъ, **по искупленіи** на оныя нужныхъ для бѣднаго семейства его съѣстныхъ припасовъ, придти къ нему во дворецъ» [10, 1, 216]. Авторы «Детского чтения» переводят соответствующий фрагмент так: «...Потомъ отдалъ ему свой кошелекъ и приказалъ **купить** все нужное для своего семейства и прійти къ нему въ домъ» [1, 4, 153].

В рассказе Шишкова «О согласии», описывающем повседневную историю из жизни детей, встречаются: *взирать, вкушали удовольствіе, отреклась, уста*: «чтобы... каждое удовольствіе **вкушали** беспрепятственно»; «Съ неописанною радостію **взирала** она на добрые успѣхи своего ученія и примѣра»; «и всѣ приступали къ своей учительницѣ, чтобъ она, какъ умѣвшая всегда устанавливать ихъ утѣхи, **не отреклась** и теперь тоже сдѣлать»; «и ожидали съ нетерпѣливостію перваго **изъ устъ** ея слова» [10, 1, 195–197, 199]. Авторы «Детского чтения» используют в тех же позициях лексику, лишённую книжной окраски: «**наслаждались** бы спокойно всякимъ удовольствіемъ»; «Съ несказанною радостію **видѣла** она доброй успѣхъ своихъ наставленій и своего примѣра»; «всѣ онѣ просили свою учительницу, чтобъ она назначила имъ игру» [1, 1, 198, 200].

Приведём ещё один характерный пример — из рассказа «Нечаянное свидание»:

Перевод Шишкова	Перевод авторов ДЧ
Напоследокъ стали разговаривать: и вышло, что младшій Эдмундъ брата своего считаль мертвымъ, понеже съ самага отъѣзда его изъ Англіи не было о немъ никакова слуха [10, 1, 372].	Наконецъ дошло дѣло до развязки, и нашлось, что Едмундъ почиталь брата своего умершимъ, для того, что не могъ ничего о немъ услышать съ тѣхъ поръ, какъ онъ поѣхаль изъ Англіи <...> [1, 1, 140].

Обратившись ко всему корпусу текстов обоих источников, отметим, что наречие *паки* на страницах «Детского чтения» имеет единичное употребление — в словах персонажа, старца пустытника из «восточной» повести «Обидаг» (перевод Александра Петрова): «Когда же утро **паки** позоветъ тебя къ трудамъ, начни снова твое путешествие и жизнь твою» [1, 20, 156]; в «Собрании детских повестей» Шишкова данное слово не раз встречается в речи автора. Причинный союз *понеже* и Шишковым, и авторами «Детского чтения» употреблён всего один раз, но функция его разная: Шишков использует этот книжный союз в нейтральном контексте, что видно из приведённого выше примера, причём в сочетании с разговорным оборотом *никакова слуха*, тогда как в тексте «Детского чтения» он служит для передачи стиля судебного приговора (в словах судьи): «**Понеже** купецъ самъ признаетъ жидово требование справедливымъ, то законъ опредѣляетъ чтобъ условіе было исполнено» («Судейский приговор. Анекдот») [1, 1, 106].

В отличие от авторов «Детского чтения», Шишков последовательно использует традиционно-книжную словоформу *лице*. Однако следует оговориться, что вариант *лицо* характерен только для 2–8 частей журнала; в 1-й и последних (16–19) используется словоформа в славянской огласовке, в 20-й части встречаются оба варианта.

Сравнивая тексты переводов, можно увидеть, что авторы обоих источников отдают предпочтение указательному местоимению *сей*, частота использования которого по сравнению с разговорным вариантом *этотъ* примерно такова: в текстах Шишкова — 4:1, в текстах «Детского чтения» — 3:1. Зачастую авторы журнала, в отличие от Шишкова, вообще не используют указательные местоимения в соответствующих фрагментах перевода. В свою очередь Шишков включает книжное местоимение *сей* и в слова персонажа, например: «**Сіе** прекрасное время скоро минеть... зима уже на дворѣ и осень проходитьъ» («Четыре времени года») [10, 1, 95]; в «Детском чтении» в той же позиции: «**Это** прекрасное время... скоро пройдетъ. Зима уже у воротъ, и скоро прогонитъ осень» [1, 1, 59].

Остановимся подробнее на употреблении слов *вѣнокъ* и *вѣнецъ*. Сравним фрагменты перевода рассказа «Нечаянное свидание».

Перевод Шишкова	Перевод авторов ДЧ
Подлѣ него лежалъ давно уже завялый вѣнокъ , которой онъ отъ времени до времени бралъ въ руки, печально на него смотрѣлъ и проливалъ слезы [10, 1, 367].	Подлѣ его лежалъ вѣнецъ изъ цвѣтвъ, которые давно уже увяли. Старикъ бралъ иногда въ руки сей вѣнецъ , смотрѣлъ на него печально и омочаль его слезами [1, 1, 134–135].

<p>...Любезной малютка мой бѣгалъ и рвалъ цвѣтки, чтобъ сплести вѣнокъ, которой хотѣлось ему повѣсить надъ гробомъ своей матери. Въ намѣреніи нарвать побольше цвѣтковъ, оставилъ онъ у меня вѣнокъ свой почти уже готовый, и побѣжалъ къ берегу [Там же, 370].</p>	<p>Маленькой мой любимецъ рвалъ между тѣмъ цвѣты и плелъ изъ нихъ вѣнецъ, которой хотѣлъ онъ повѣсить на этомъ кустарникѣ надъ могилою любезной своей матери. Вѣнецъ былъ почти уже готовъ; онъ оставилъ его мнѣ, и побѣжалъ на берегъ, чтобы ещё принести цвѣтовъ [Там же, 137].</p>
---	---

В. В. Замкова в своей книге «Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века» пишет: «В высоком слоге середины XVIII в. и в славено-русском языке конца века слова *венок* и *венец* противопоставляются друг другу по своей стилистической принадлежности. В САР оба эти слова не имели никакой пометы и различались по значению. <...> Однако материалы показывают, что оба эти слова могли выступать как синонимы в том же значении, что и *венок*» [2, 199].

Так, в начале XVIII в. *венец* в значении ‘венок’ употреблялось только в случае *терновый венец*, в высоком и среднем слоге середины XVIII в. встречается *лавровый (дубовый, миртовый, парнасский) венец*. В «Словаре русского языка XVIII века» приводятся примеры из поэзии В. К. Третьяковского («Цвѣты на вѣнец в полях собирает смѣло») и М. М. Хераскова («Хочу я плестъ вѣнцы зелены») [8, 3, 29]. Таким образом, в приведѣнном выше фрагменте из рассказа «Нечаянное свидание» авторы «Детского чтения» используют слово *вѣнецъ* в качестве поэтизма.

В других текстах «Детского чтения» *вѣнокъ* и *вѣнецъ* ‘символ признания заслуг’ встречаются в своих традиционных значениях: «И такъ онъ разными знаками далъ имъ разумѣть, что хочеть сдѣлать имъ подарокъ, естли они его не убьютъ, нарвалъ тростнику и началъ плести изъ него **вѣнокъ**» («Корзинщик») [1, 5, 203]; «Они сперва разсматривали добродѣтели, и нашедши ихъ неподложными, давали тому дитяти, которое подавало о себѣ хорошую надежду, въ награжденіе и для ободренія **вѣнецъ**, а имя его записывали въ книгу добродѣтельныхъ» («Суд над детьми») [1, 1, 85]. Примечательно, что в описании аналогичной ситуации Шишков использует слово *вѣнокъ*: «...Въ будущее Воскресеніе надѣнуть на нее **вѣнокъ**, и она всенародно получить отъ имени господина своего подарокъ за извѣстныя уже всѣмъ ея добродѣтели» («У доброго господина и слуги добрые») [10, 1, 200]; слово *вѣнецъ* употребляется в значении ‘нимб, сияние, ореол’: «Всемощною десницею / Онъ солнце сотворилъ, / Онъ блещущимъ украсилъ чело его вѣнцемъ» («Солнце») [Там же, 374].

Итак, славянизмы в текстах переводов Шишкова и авторов «Детского чтения», как правило, выполняют стилистическую функцию, при этом в произведениях Шишкова книжные элементы встречаются значительно чаще.

Обратимся к следующей группе стилистически маркированных элементов — просторечиям.

В исследованиях, посвященных русскому просторечию второй половины XVIII в., эта категория понимается в целом как «совокупность специфических элементов обиходно-бытовой речи различных социальных групп населения (дворян, крестьян, мещан и др.)» [3, 8]. В аспекте литературного языка про-

сторечие включает в себя языковые средства, присущие разговорной речи и отличающиеся от традиционного книжного выражения. Граница между различными пластами «простой» (свойственной обиходному разговору) лексики в конце XVIII в. была очень размыта и подвижна. Пытаясь ее дифференцировать, составители САР₁ помечают слова и выражения, характерные для повседневного употребления всеми слоями общества, в том числе и высшими, как просторечия, а слова, характерные для речи простого народа (городской мещанской или крестьянской среды), — как простонародные. Г. П. Князькова объясняет проникновение «простой» лексики в средние и даже высокие литературные жанры, во-первых, отсутствием единых сложившихся норм её употребления и недостаточной определённости самой этой категории («некнижность» слова не всегда ощущалась — оно вводилось в текст как привычный элемент речи) и, во-вторых, сознательной установкой автора на сближение литературного языка с народно-разговорной речью [3, 212].

Рассмотрим, как включается «простая» лексика в тексты Шишкова и авторов «Детского чтения».

В произведениях Шишкова в речи автора встречаются следующие разговорные слова и просторечные элементы: *малютка*, *робятишки*, *остринькая* (от *острый* 'бойкий, проворный, смелый'), *вскарабкаться*, *летѣть* 'быстро передвигаться', *проказничать*, *промѣшкать*, *хвататься* 'поспешно начинать делать что-либо', *съ сердцемъ*, *другъ безъ дружки*, *не вѣсть куда*, *никакова слуха*, *было любо*, *сказывать сказки*; прилагательные и наречия с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *великонекъ*, *хорошенько*, союз *словно как бы*; в речи персонажей: *чаю* 'думаю, полагаю', *денжонки* (*промоталь*), *ручонки*, *хлопотунья*. Слова *малютка*, *проказничать* маркированы в САР₁ как просторечные, *карабкаюсь* — как простонародное [7, 4, 25; 3, 359, 438].

Авторы «Детского чтения» в тех же позициях используют общеупотребительную лексику. Однако некоторые просторечные слова, которые в сопоставляемых переводах «Детского чтения» отсутствуют, используются авторами журнала в других произведениях: например, глагол *летѣть* (в устойчивом выражении *летѣть въ объятія*) встречается в «Повести о Селеме и Ксамире» [1, 1, 20], *малютка* — в словах персонажа. Но в целом сравнение лексики переводов подтверждает определённые языковые предпочтения авторов обоих источников. Так, на страницах журнала не встречаются глагол (*про*)*мѣшкать*, сравнительный союз *словно как бы* и многие другие просторечия, которые свободно включает в тексты своих произведений Шишков. Глагол *пособить* (в САР₁ без помет [7, 5, 400]) авторы «Детского чтения» используют только в речи персонажа-ребѣнка, в текстах Шишкова он встречается и в речи автора. Сравним фрагменты из «Повести о двух верных друзьях»: «Ни прозьбы его, ни слезы, ни обниманіе колѣнъ темничного стража, не могли **пособить**» (Шишков) [10, 1, 292]. — «Тщетно упрашиваль онъ тюремщика со слезами и обнималь его колѣна» (авторы ДЧ) [1, 2, 111].

Не используют авторы «Детского чтения» и образованное от древнееврейского слова *šabbāʾ* разговорное *шабашъ* 'свободное от работы время' (в САР₁ без помет [7, 6, 843]), которое наряду со словосочетанием *шабашные часы* встречается в рассказе Шишкова «Воздержание»: «Митюшѣ вчера только подарили эту лошадку, а онъ такъ ее любилъ, что радъ былъ во всѣ **шабашные**

часы безпрестанно на ней ѳздить»; «Я не стану севодня ѳздить на лошаdkѣ, и всякой день послѣ **шабаша** цѣлой часъ не буду на нее садиться, хотя бы мнѣ того и очень захотѣлось» [10, 1, 183]. Соответствующий фрагмент в рассказе «Воздержность» из «Детского чтения» отсутствует, но в других текстах журнала встречается словосочетание *праздные часы*, например: «**Въ праздные часы** заставлялъ заниматься садовою работою или другимъ какимъ нибудь полезнымъ упражненіемъ» («Великая польза трудолюбия») [1, 4, 186–187].

В «Детском чтении» не отмечаются случаи немотивированного соединения славянизмов с разговорной лексикой, что порой имеет место в «Собрании детских повестей». Ср.: «Молодой Карль **съ отверстыми устами и уставленными на нихъ глазами** стоялъ, подобно окаменѣлому, не говоря ни слова» (Шишков, «Нечаянное свидание») [10, 1, 372]. — «Молодой человекъ стоялъ въ удивленіи, какъ окаменѣлой, и не могъ произнести ни одного слова» (авторы «ДЧ, «Нечаянное свидание») [1, 1, 139].

Таким образом, некоторые черты архаичности языка Шишкова по сравнению с языком авторов «Детского чтения» проявляются в том, что в текстах «Детской библиотеки» («Собрания детских повестей») нередко встречаются книжные элементы, не несущие стилистической нагрузки. Вместе с тем Шишков свободно вводит в свои тексты разговорные слова и просторечия, причѣм удельный вес просторечных элементов в его произведениях значительно выше, чем в аналогичных по содержанию текстах авторов «Детского чтения». В то же время стоит подчеркнуть, что в произведениях Шишкова слов, маркированных в САР₁ как просторечные и простонародные, незначительное количество, причѣм в словах автора они практически не встречаются.

Итоги сопоставления (на уровне лексики) текстов Шишкова и авторов «Детского чтения» из общего корпуса переводов позволяют сделать вывод, что в языке рассматриваемых произведений отразились лингвостилистические установки их авторов: поскольку «устарелые» и просторечные слова разрушают благородство языка, то авторы «Детского чтения» избегают их использовать, сохраняя ровность стиля; в свою очередь, Шишков в большей степени связан с книжной традицией и народным языком, и элементы «славянской» и просторечной лексики в его произведениях для детей встречаются значительно чаще, чем в материалах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детское чтение для сердца и разума. — М. : Унив. тип. у Н. Новикова, 1785–1789. — Ч. 1 — 208 с. Ч. 2 — 208 с. Ч. 4 — 208 с. Ч. 5 — 200 с. Ч. 20 — 208 с.
2. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. — Л. : Наука, 1975. — 223 с.
3. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. — Л. : Наука, 1974. — 253 с.
4. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. Лексика. — М. : Наука, 1964. — 406 с.
5. Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Сборник 6. Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. — М.–Л. : Наука, 1964. — С. 258–268.

6. *Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. — СПб.: Академический проект, 1998. — 335 с.
7. Словарь Академии Российской: в 6 т. 1789–1794. [Переизд.]. — М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2006. — Ч. 3 — 1388 с. Ч. 4 — 1272 с. Ч. 5 — 1084 с. Ч. 6 — 1068 с.
8. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. — Л.: Наука, 1987. — 296 с.; Вып. 15. СПб.: Наука, 2005. 264 с.
9. *Симанков В. И.* Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Вып. 28. — М.–СПб.: Альянс-Архео, 2015. — С. 323–374.
10. *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. — СПб.: в тип. Импер. Росс. Акад., 1818–1834. — Ч. 1 — 403 с. Ч. 2 — 466 с.
11. *Campe J. H.* Die vier Jahreszeiten // Kleine Kinderbibliothek. 1779. Bd. 1. — S. 21–24.
12. Slavistische Beitrage. Begruendet von Alois Schmaus. Herausgegeben von Peter Rehder. Band 337. — Muenchen: Verlag Otto Sagner, 1996. — 431 S.

REFERENCES

1. Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma [Children's reading for heart and mind]. — М.: Univ. tip. u N. Novikova, 1785–1789. Ch. 1 — 208 s. Ch. 2 — 208 s. Ch. 4 — 208 s. Ch. 5 — 200 s. Ch. 20 — 208 s.
2. *Zamkova V. V.* Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII veka [Slavicism as a stylistic category in the Russian literary language of the 18th century]. — L.: Nauka, 1975. — 223 s.
3. *Knyaz'kova G. P.* Russkoe prostorechie vtoroy poloviny XVIII v. [Russian vernacular of the second half of the 18th century]. — L.: Nauka, 1974. — 253 s.
4. *Levin V. D.* Oчерк stilistiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII — nachala XIX v. Leksika [An essay on the stylistics of the Russian literary language of the late 18th-early 19th centuries. Vocabulary]. — М.: Nauka, 1964. — 406 s.
5. *Privalova E. P.* O sotrudnikakh zhurnala «Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma» [About magazine writers of «Children's reading for heart and mind»] // XVIII vek. Sbornik 6. Russkaya literatura XVIII veka. Epokha klassitsizma. — М.–Л.: Nauka, 1964. — S. 258–268.
6. *Rak V. D.* Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniya vtoroy poloviny XVIII veka: Inostrannye istochniki, sostav, tekhnika kompilyatsii [Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century: Foreign sources, composition, compilation technique]. — SPb.: Akademicheskii proekt, 1998. — 335 s.
7. Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 t. 1789–1794. [Pereizd.] [Russian Academy Dictionary: in 6 volumes 1789-1794]. — М.: MGI im. E. R. Dashkovoy, 2006. — Ч. 3 — 1388 s. Ч. 4 — 1272 s. Ч. 5 — 1084 s. Ч. 6 — 1068 s.
8. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 3. [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Issue 3]. — L.: Nauka, 1987. — 296 s.; Vyp. 15. SPb.: Nauka, 2005. 264 s.
9. *Simankov V. I.* Istochniki zhurnala «Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma» (1785–1789) [Sources of the magazine «Children's reading for heart and mind» (1785-1789)] // XVIII vek. Vyp. 28. — М.–СПб.: Al'yans-Arkheo, 2015. — S. 323–374.
10. *Shishkov A. S.* Sbranie sochineniy i perevodov admirala Shishkova [Collected works and translations of Admiral Shishkov]. — SPb.: v tip. Imper. Ross. Akad., 1818–1834. — Ч. 1 — 403 s. Ч. 2 — 466 s.
11. *Campe J. H.* Die vier Jahreszeiten // Kleine Kinderbibliothek. 1779. Bd. 1. — S. 21–24.
12. Slavistische Beitrage. Begruendet von Alois Schmaus. Herausgegeben von Peter Rehder. Band 337. — Muenchen: Verlag Otto Sagner, 1996. — 431 S.